

СЛЕДУЕТ ЛИ ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ ОСНОВАНИЙ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИНЦИПУ ЭМПИРИЗМА?

**Порус Владимир
Натанович** – доктор
философских наук,
профессор-исследователь.
Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики».
Российская Федерация,
101000, г. Москва,
ул. Мясницкая, д. 20;
e-mail: vnporus@hse.ru

Анализ программ STS приводит О.Е. Столярову к выводу о том, что в них принцип рефлексивности (в версии Д. Блур) не выполняется, хотя это противоречит установке этих программ на саморефлексию научных оснований. Отсюда проблема: применим ли принцип эмпиризма к обоснованию метанаучных рассуждений (в частности, к социологическим объяснениям познавательных действий ученых). Это, в свою очередь, ведет к проблеме универсальности философии как платформы метанаучной критики. Постановка и решение такой проблемы предполагают возможность построения метафилософских систем, радикализирующих принцип рефлексивности до применения его к самой философии. Тем самым философия науки оказывается в поле имманентных парадоксов. Выход из подобных парадоксов требует новой перспективы философских исследований.

Ключевые слова: программы STS, принцип рефлексивности, принцип эмпиризма, метанаука, метафилософия, философия науки

DOES THE PHILOSOPHICAL REFLECTION ON THE FOUNDATIONS OF SCIENTIFIC RESEARCH FOLLOW THE EMPIRICISM PRINCIPLE?

Vladimir N. Porus –
DSc in Philosophy,
Research Professor.
HSE University.
20 Myasnitskaya St., Moscow
101000, Russian Federation;
e-mail: vnporus@hse.ru

It is argued that O.E. Stoliarova's analysis of the STS programs leads her to a conclusion that in them the principle of reflexivity (in D. Bloor's version) is not carried out though this contradicts the orientation of these programs on a self-reflection of the scientific bases. Hence, a problem arises: whether we will apply the principle of empiricism to justification of metascientific reasonings (in particular, to sociological explanations of knowing actions of scientists). This, in turn, leads to a problem of universality of philosophy as a platform for metascientific criticism. The formulation and the solution of such a problem assume the possibility of creation of metaphilosophical systems radicalizing the principle of reflexivity before its application to philosophy. Thereby the philosophy of science appears in the field of immanent paradoxes. An exit from similar paradoxes demands new prospect of philosophical researches.

Keywords: STS programs, principle of reflexivity, principle of empiricism, metascience, metaphilosophy, philosophy of science

В статье О.Е. Столяровой [Столярова 2022] можно выделить два акцентируемых тезиса. Первый – утверждение о том, что программы STS не следуют принципу рефлексивности, хотя это противоречит их исходным установкам. Второй – утверждение, что, попытки сделать то, чего сделать (якобы) нельзя, то есть все-таки рефлексировать над основаниями программ, оставаясь в границах, обозначенных установками, превращает эти действия в философские упражнения. Я заметил, что автор не без симпатии относится к гальванизации философских (читай, метафизических) размышлений, обозначающей их неустрашимость из метанаучных исследований, как бы кто ни настаивал на своей приверженности эмпиризму и отвращении к философским спекуляциям. Здесь я попытаюсь отрефлексировать оба тезиса.

Прежде всего, заметим, что требование рефлексии вовсе не является спецификой методологических деклараций, характерных для программ STS. М.А. Розов называл науку «системой с рефлексией», т.е. такой системой, которая сама себя описывает. Как такое описание возможно, это нетривиальный вопрос. Например, мы имеем описание физического явления. Вопрос: возможно ли описание процесса, актуализирующего это описание, также как физического? Если возможно, то сопоставимы ли (переводимы ли друг на друга) языки этих описаний? Следуют ли они одинаковым методологическим принципам? М.А. Розов выделял еще особый разряд «систем с рефлексией» – «симметрично рефлексивные системы», т.е. такие, которые «отличаются друг от друга только осознанием результата и взаимно преобразуются одна в другую путем изменения нашей рефлексивной позиции» [Розов 2015, 158]. В таких системах и взаимного перевода языков описания не требуется: рефлексия осуществляется переменной смысловой интерпретации и только. Вопрос, однако, остается: *достаточно ли в языке описания средств для самоописания?*

В общем виде такой вопрос решить нельзя. Нужны уточнения, что следует называть «достаточностью средств». А это зависит от критериев, которые принимаются по определенным правилам, происхождение которых уходит в почву философских предпосылок. Например, выбор эмпирического языка наблюдения как достаточного для описания процессов наблюдения, является единственно возможным для радикального позитивизма и более чем сомнительным для методолога, критически относящегося к позитивизму. Это хрестоматийный пример, но его можно обобщить на все случаи попыток «научной саморефлексии».

Принцип рефлексивности, как методологическое условие «сильной программы» Д. Блура, имеет более замысловатое содержание: процесс получения научного знания отчасти описывается в терминах социологического объяснения действий ученых. Уместен вопрос: если такое объяснение является научным, то можно ли считать его

«научной саморефлексией»? Здесь налицо игра со словом «научность»: если критерием научности является эмпиризм, то можно ли считать, что социологическое описание процессов научного исследования опирается на некий эмпирический базис, выраженный в языке наблюдения социологических фактов, в том же смысле, в каком сами эти исследования опираются на собственный эмпирический базис? Очевидно, что понимание действий ученых абсолютно невозможно без выяснения их предпосылок, к которым относятся не только их смысловые ориентации, нормы исследовательского поведения, интересы и предпочтения, но и различные теоретические интерпретации эмпирических данных. Это не позволяет слишком сближать эмпирические базисы исследования и метаисследования: между ними гораздо больше различий, чем сходств или пунктов совпадения. Поэтому полагать «научной саморефлексией» социологические объяснения исследовательских процессов значит выражаться метафорически, манипулируя смыслами терминов «научность» и «эмпиризм».

Можно ли представить метаязыковые суждения о науке в виде системы, организованной в соответствии с принципами, действующими при организации языка науки? Такой вопрос переключается с известными рассуждениями А. Тарского и его последователей и приводит к выводу о том, что такая организация была бы принципиально неполной [Тарский 1999]. Поэтому идея применить методологические принципы к ним же самим оправдывается только в самых простых, примитивных ситуациях, да и то с существенными оговорками. Отсюда вывод: *принцип эмпиризма не может быть эмпирически обоснован*, если под ним разумеется обоснование научных положений опытным базисом при «узком» понимании опыта (как накопление и обработка чувственных данных). Может ли это понимание быть «расширенным» до такой степени, чтобы опытное обоснование ценности опыта не выглядело бессмысленным предприятием? Это важнейшая проблема философии науки, до конца еще не понятая и не решенная.

Аналогичная проблема возникает, когда обсуждается рациональность критериев изменения критериев научной рациональности. Здесь проблема рефлексивности распространяется на сферу философии науки вполне очевидным образом [Порус 1999; Швырев 2003].

О.Е. Столярова верно подмечает, что принцип рефлексивности, как он был сформулирован в «сильной программе» Блура, «по большому счету, так и остался не у дел и не побуждает исследователей науки эмпирически исследовать их собственные предпосылки» [Столярова, 2022]. Думаю, что иначе и быть не могло, во-первых, из-за двусмысленности самой его формулировки, и, во-вторых, из-за его непродуктивности: к каким практически важным следствиям могло бы привести его применение? Над этим можно, конечно, призадуматься, но вероятность содержательного ответа слишком мала. Этот

принцип, в буквальном его прочтении, по-видимому, остается «архитектурным излишеством» и функциональной нагрузки не несет.

И все-таки ясно, что он сформулирован не случайно. Действительное предназначение принципа рефлексивности в «сильной программе» в том, чтобы вытеснить философскую составляющую из науковедческих рассуждений. Это отзвук старого позитивистского лозунга «Наука – сама себе философия!», т.е. все значимые выводы о своей природе, о познавательной деятельности ученых, обо всем, что связано с результатами этой деятельности, наука способна делать сама, и только ее собственные суждения могут считаться истинными или ложными (оцениваться по критериям научности), а философские предпосылки таких суждений, если даже они имеют какую-то ценность, должны быть отодвинуты в туманную даль, интересующую лишь самих философов.

Подобные проекты «онаучивания» рассуждений о науке (сопровождаемые замыслами «научной философии», то есть попытками перевода философских суждений на язык науки через совместное применение принципа эмпиризма с принципами логической реконструкции к самим этим суждениям) критиковались так часто, что вряд ли имеет смысл воспроизводить эту критику. Приходится признать, что такие проекты будут и впредь предлагаться, какую бы критику они ни встречали, до тех пор, пока философский анализ науки будет вызывать сомнения в своей необходимости и практической значимости.

Каким должен быть философский анализ науки, чтобы вызывать доверие к себе со стороны ученых и методологов? На этот счет существуют различные мнения. В своей недавно защищенной докторской диссертации О.Е. Столярова показала широкий спектр таких мнений – от спекулятивного реализма до ригористического конструктивизма при экспликации онтологических и эпистемологических контекстов, в которых рассматриваются типы метанаучных рефлексий. Из этого был сделан вывод о том, что поиски адекватных решений поставленного выше вопроса определяют содержание современной философии науки. Возможно, это так и есть. Но хотелось бы заметить следующее. По сути, речь идет о возвращении на арену философских размышлений о науке модифицированной «метафизики», усвоившей уроки давней борьбы с ней и приспособившейся к новым условиям последней. Последовательный анализ, по-моему, должен обнаружить, что проблемы, вокруг которых разгорались прежние споры, будучи переформулированы в новых терминах, не исчезают, а приобретают новый смысл и нюансировку.

Поэтому, соглашаясь с тем, что «учитывая любую реальность, она [философия] способна объяснить все и сделать свое объяснение новой проблемой» [Столярова, 2022, с. 29], я бы добавил, что именно эта способность является вопиющей проблемой философии –

в том смысле, что она не может быть догмой или голой декларацией, но требует обоснования. Поскольку это обоснование не может быть нефилософским, мы имеем дело с радикальной рефлексивностью самой философии.

Когда задают вопрос, является ли философия сферой «универсальной рефлексии» по отношению к науке, за ним стоит еще более трудное вопрошание, является ли философия универсально рефлексивной по отношению к самой себе. Если философы должны отвечать на вопросы, связанные с пониманием опыта и его границ, выраженным в рациональной концепции, совместимой с исторически выработанными представлениями о науке, ее целях и возможностях их достижения, то тем более они обязаны обосновывать свои ответы так, чтобы не попасть в логический круг, когда корректность философских суждений о науке оправдывается успешностью последней, а сама эта успешность – «хорошим» выбором философских объяснений. Возможна ли философская саморефлексия в рамках «метафилософии» [Ойзерман 2014] – парадоксальная проблема, еще не вполне осознанная самими философами.

Список литературы

Ойзерман 2014 – *Ойзерман Т.И.* Метафилософия (теория историко-философского процесса) // Избранные труды. Т. 5. М.: Наука, 2014.

Порус 1999 – *Порус В.Н.* Парадоксальная рациональность (очерки теории научной рациональности). М.: УРАО, 1999.

Порус 2019 – *Порус В.Н.* Философский статус «метафилософии науки» // Эпистемология и философия науки, 2019. Т. 56. № 2. С. 134–150.

Розов 2015 – *Розов М.А.* Гносеология культуры. М.: Новый хронограф, 2015. С. 158.

Столярова 2022 – *Столярова О.Е.* Кто исследует исследования науки и техники? О принципе рефлексивности с эмпирической и теоретической точек зрения // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 4. С. 21–30.

Тарский 1999 – *Тарский А.* Понятие истины в языках дедуктивных наук / Пер. с польск. В.Л. Васюкова // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М., 1999. С. 19–156.

Швырев 2003 – *Швырев В.С.* Рациональность как ценность культуры. Традиции и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

References

Oizerman, T.I. “Metafilosofiya (teoriya istoriko-filosofskogo protsessa)” [Metaphilosophy (Theory of Historico-philosophical Process)], in: Oizerman, T.I. *Selected Works*. Vol. 5. Moscow: Nauka, 2014. (In Russian)

Porus, V.N. “Filosofskii status ‘metafilosofii nauki’” [The Philosophical Status of “Metaphilosophy of Science”], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2019, vol. 56, no. 2, pp. 134–150. (In Russian)

Porus, V.N. *Paradoksal'naya ratsional'nost' (oчерki teorii nauchnoi ratsional'nosti)* [Paradoxical Rationality (Essays in the Theory of Scientific Rationality)]. Moscow: URAO, 1999. (In Russian)

Rozov, M.A. *Gnoseologiya kul'tury* [Gnoseology of Culture]. Moscow: New chronograph, 2015. (In Russian).

Shvyrev, V.S. *Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury. Traditsii i sovremennost'* [Rationality as a Culture Value. Traditions and Present]. Moscow: Progress-Tradition, 2003. (In Russian)

Stoliarova, O.E. “Kto issleduet issledovaniya nauki i tekhniki? O printsipe refleksivnosti s empiricheskoi i teoreticheskoi toчек zreniya” [Who Studies the Studies of Science and Technology? On the Principle of Reflexivity from Empirical and Theoretical Points of View], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2022, vol. 59, no. 4, pp. 21–30. (In Russian)

Tarsky A. “Ponyatie istiny v yazykakh deduktivnykh nauk” [Truth Concept of the Deductive Sciences Languages], trans. by V.L. Vasyukov, in: *Philosophy and the Logician of Lvov-Warsaw School*. Moscow, 1999, pp. 19–156. (Trans. into Russian)